

ОТ ФИЛОСОФИИ К ПСИХОЛОГИИ БУДУЩЕГО

Научная статья
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-16>

УДК 159.9

Психологическая теория деятельности А.Н. Леонтьева и современные когнитивные исследования

В.А. Лекторский

Институт философии Российской академии наук, Москва,
Российская Федерация

Резюме

Актуальность. В год 120-летия профессора А.Н. Леонтьева представляется значимым еще раз взглянуть на его научное наследие.

Цель. Определить место психологической теории деятельности в советской и российской психологии и философии второй половины XX века.

Результаты. Показано, что теория А.Н. Леонтьева предвосхитила ряд идей популярного сегодня в когнитивной науке интеллектуального движения 4E Cognition, и что некоторые важные положения его деятельностного подхода пока не освоены в современных когнитивных исследованиях. Психологическая теория деятельности сопоставлена с концепцией социального конструкционизма в психологии, в этой связи выявлены преимущества теории А.Н. Леонтьева. Намечены пункты дальнейшего возможного развития психологической теории деятельности.

Выводы. В работах А.Н. Леонтьева основательно осмыслена и раскрыта проблематика деятельности, действия, конструирования, культурно-исторического опосредствования деятельности. Теория деятельности существенно определяет настоящее психологической науки и дает возможность наметить стратегию ее будущего развития.

Ключевые слова: деятельность, сознание, личность, когнитивная наука, 4E Cognition, эпистемологический реализм, типы реальности, конструктивизм, социальный конструкционизм, общение, пантехнологизм, искусственная личность.

Для цитирования: Лекторский В.А. Психологическая теория деятельности А.Н. Леонтьева и современные когнитивные исследования // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46, № 2. С. 67–83. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-16>

FROM PHILOSOPHY TO PSYCHOLOGY OF THE FUTURE

Scientific Article
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-16>

Psychological Theory of Activity by A.N. Leontiev and Current Cognitive Studies

Vladislav A. Lektorsky

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian
Federation

Abstract

Background. In the year of Leontiev's 120th anniversary it is important to look again at his scientific heritage.

Objective. The article aims to define the place of psychological theory of activity in the Soviet and Russian psychology and philosophy of the second half of the 20th century.

Results. It is shown that Leontiev's theory predetermined a number of ideas of the intellectual movement 4E Cognition popular now in cognitive science. However, some important ideas of Leontiev are not yet utilized in modern cognitive research. The psychological theory of activity is compared with the concept of social constructionism in psychology, and in this respect the advantages of Leontiev's theory are revealed. Possible areas for further development of the psychological theory of activity are outlined.

Conclusion. Leontiev's theory of activity thoroughly comprehends the problematics of activity, action, construction, and cultural-historical mediation of activity. This theory essentially defines the present of psychological science and makes it possible to outline a strategy for its future development.

Keywords: activity, consciousness personality, cognitive science, 4E Cognition movement, epistemological realism, types of reality, constructivism, social constructionism, communication, pantechnologism, artificial personality

For citation: Lektorsky, V.A. (2023). Psychological Theory of Activity by A.N. Leontiev and Current Cognitive Studies. *Lomonosov Psychology Journal*, 2, 67–83. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-16>

Психологическая теория деятельности и деятельностные подходы в отечественной психологии и философии

В поздние советские годы разработанная Алексеем Николаевичем Леонтьевым психологическая теория деятельности воспринималась большинством отечественных психологов не просто в качестве одной из концепций, но как обширная программа научных исследований, стратегия познавательного поиска. Теория А.Н. Леонтьева опиралась на культурно-историческую теорию психических процессов классика нашей и мировой психологии Л.С. Выготского и может быть понята как способ развития этой теории в определенном направлении. Разрабатывая свою теорию, А.Н. Леонтьев обобщил концептуальные и экспериментальные результаты, полученные в предшествующие годы им самим и его коллегами. Вместе с тем его теория исходила из определенных философских положений. И не только исходила, но претендовала на их дальнейшую разработку. Речь шла о фундаментальных философских проблемах, которые относятся к пониманию человека, его места в мире, природы сознания, проблеме «Я» и др. (Леонтьев, 1975). Иными словами, теория Леонтьева — не просто психологическая, но философско-психологическая. Недаром она вызвала огромный интерес у наших философов.

Нужно сказать, что во второй половине XX века проблематика деятельности в связи с исследованием познания и сознания (т.н. деятельностный подход) была весьма популярна в отечественной философии. Мне приходилось писать об этом (Лекторский, 2012). Ряд наших философов (Э.В. Ильенков, Ф.Т. Михайлов, В.С. Швырев, автор этих строк и другие) взаимодействовали с самим Алексеем Николаевичем, а также с его соратниками и учениками (П.Я. Гальпериним, В.В. Давыдовым, В.П. Зинченко и др.).

Общий смысл психологической теории деятельности Леонтьева и разрабатывавшихся отечественными философами деятельностных подходов был в попытке преодоления резкой оппозиции субъективного и объективного, внешнего и внутреннего мира, оппозиции, из которой исходила, по сути, вся европейская философия, психология и другие науки о человеке на протяжении нескольких столетий после Декарта. Принятие этой оппозиции определяло понимание как субъективности, так и внешнего мира, то есть влияло на исследовательские программы в науке, особенно в науках о человеке. Второй смысл психологической теории деятельности был связан с попыткой понимания творческой природы человека, дающей возможность выхода за пределы любой наличной ситуации.

Между тем в 1990-е гг. прошлого века, после исчезновения Советского Союза и отказа в нашей стране от марксизма как официальной идеологии, среди некоторых отечественных философов и психологов (в том числе среди тех, кто ранее эти подходы разделял) началась критика деятельностных идей, включая и психологическую теорию деятельности Леонтьева.

Критика психологической теории деятельности в отечественной литературе

Против деятельностных подходов в философии и психологии были выдвинуты в начале 1990-х гг. по крайней мере два обвинения (см. обзор: Лекторский, 2001).

Первое из них состояло в том, что теории деятельности некритически воспринимают идеи Маркса относительно человеческой практики и поэтому устарели — так же, как и весь марксизм (а о психологической теории деятельности говорили, что она якобы была просто способом приспособиться к официальной советской идеологии).

В действительности эта критика была совершенно несостоятельной. И вот почему.

Дело в том, что Маркс предложил лишь один из вариантов деятельностного подхода, правда, такой, который исторически оказался плодотворным для наук о человеке. При этом мысли Маркса о деятельности, практике могут быть поняты лишь в контексте развития немецкой философии начала XIX столетия — начиная с Фихте и кончая Гегелем, наследником которой он был. Уже Фихте развивал идею о том, что субъект определяет себя лишь через деятельность объективации, через создание такого предмета, который внешне противостоит субъекту и вместе с тем является единственно возможным способом конституирования самого субъекта. Эта идея потом развивалась в немецком неокантианстве начала XX века. Последнее повлияло на философское и психологическое творчество нашего выдающегося философа и психолога С.Л. Рубинштейна, который еще в начале 1920-х гг. писал о том, что субъект не стоит «за» своими деяниями, не в них выражается и проявляется, а в них порождается — такое понимание деятельности потом помогло ему ассимилировать идеи Маркса и сформулировать известный принцип единства сознания и деятельности.

При этом деятельностная проблематика развивалась в XX веке и в иных концепциях, например, в таких, как философия языковых

значений позднего Л. Витгенштейна, как феноменологический экзистенциализм Ж.-П. Сартра, как теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса и др. И это делалось тоже в связи с попытками снятия декартовской абсолютной оппозиции субъективного и объективного.

Поэтому разработка деятельностной проблематики в отечественной психологии и философии во второй половине XX века была не выражением интеллектуального сектантства, а наоборот, свидетельством того, что наши выдающиеся ученые прекрасно уловили глубинные тенденции развития мировых наук о человеке.

Второе обвинение деятельностных подходов, бывшее популярным в 1990-е гг., связано с приписыванием им пагубного антропоцентризма и технократизма. Якобы эти подходы претендуют на разработку способов тотально контролировать природные и социальные процессы, а подобная установка, считали критики, ведет, с одной стороны, к пониманию природы в качестве простого ресурса человеческой деятельности, идее безграничной ее «переделки», покорения, а с другой — к установке на проектирование социальных процессов, а возможно, и самого человека, в результате чего мы имеем, с одной стороны, переживаемый человечеством экологический кризис, а с другой — манипуляцию людьми в технократическом обществе, особенно в обществе советского типа.

Надо сказать, что существуют разные понимания деятельности. Она, в самом деле, может быть интерпретирована как установка на переделку всего на свете, но может быть осмыслена и в рамках представлений о сложных взаимодействиях искусственных процессов, запущенных человеком, с процессами естественными: как природными, так и социальными — последние можно считать квази-естественными, так как они, будучи результатами человеческой деятельности, приобретают силу объективности и стихийности. К тому же уже тогда появились идеи относительно возможности на основе науки вмешиваться в биологическую природу человека, а также и в природные процессы. А это делало деятельностную проблематику весьма актуальной.

Но сегодня отношение к этой теме в целом и к тем деятельностным концепциям, которые развивались в отечественной психологии и философии, в частности, в психологической теории деятельности Леонтьева, становится важным в чрезвычайной степени. И это связано прежде всего с бурным развитием когнитивных исследований, иногда называемых когнитивной наукой, включающихся в междисциплинарное движение, в рамках которого взаимодействуют такие

дисциплины, как разработка систем искусственного интеллекта, когнитивная психология, наука о мозге (когнитивная нейронаука), лингвистика и философия.

Психологическая теория деятельности и когнитивная наука

Когнитивная наука за последние 40 лет прошла несколько стадий развития, на разных стадиях в ней доминировали различные концепции когнитивных процессов. Сначала это был функционализм и связанные с ним теории о существовании врожденного «языка мысли», посредством которого мозг перерабатывает информацию из внешнего мира. При подобном понимании связь познающего агента с внешним миром, будет ли это человек или иное живое существо, ограничивается тем, что внешний мир лишь дает некий толчок на органы чувств, а в дальнейшем мозг работает по собственным правилам и строит модель мира на их основе. Иными словами, мозг имеет дело только с тем, что имеется у организма внутри и не имеет прямого доступа к внешней реальности. По сути дела, эта концепция была не чем иным, как воспроизведением в новой форме старой декартовской дихотомии двух миров. Один из главных теоретиков подобного понимания познания и сознания философ Дж. Фодор сформулировал идею «методологического солипсизма» как генеральную стратегию когнитивных исследований. Потом в когнитивной науке стали популярными коннекционистские представления, воскрешающие в новом виде представления философского сенсуализма и психологического ассоционизма.

Сегодня быстро набирает популярность другая концепция, получившая название 4E Cognition, что расшифровывается как Embodied (телесно воплощенное), Embedded (вписанное во внешнюю среду), Enacted (включенное в деятельность), Extended (расширенное) познание (The Oxford Book of 4 E Cognition, 2018). Идея телесной воплощенности означает, что познающее существо не просто получает информацию на основе воздействия внешнего мира на органы чувств, а активно взаимодействует с миром посредством своего тела и своих конечностей. Информация не просто «дается», а извлекается из мира познающим существом посредством активных действий. Что же касается человека, то он не просто активно взаимодействует с миром, но «расширяет» способы этого взаимодействия, создавая особые предметы-посредники, начиная с орудий труда и кончая языком, культурными артефактами и сложными техническими устройствами. Бросается в глаза, что такое понимание познания и сознания имеет

сходство с тем именно пониманием, которое было разработано Леонтьевым и которое мы называем культурно-деятельностной концепцией. Действительно, точки соприкосновения принципиальных установок 4E Cognition и психологической теории деятельности имеют место. При этом в концепции Алексея Николаевича были предвосхищены некоторые идеи, которые стали потом популярны в когнитивных исследованиях.

Это, например, касается истолкования восприятия в психологической теории деятельности как не просто результата воздействия внешнего мира на органы чувств (как образа), а в качестве активного вычерпывания информации из предметного мира, то есть как процесса. По сути дела, это те же самые идеи (восприятие как извлечение информации и принципиальное различие стимуляции и процесса восприятия, включение в последнее внешних действий), которые с легкой руки американского психолога Дж. Гибсона стали одним из краеугольных камней современного подхода 4E Cognition (Гибсон, 1988).

Как подчеркивал Леонтьев, деятельность и отдельные действия, которые включаются в деятельность — это не просто набор реакций и не простые изменения во внешнем окружении. Деятельность предметна, то есть считается с характером той реальности, по отношению к которой разворачивается. Психологическая теория деятельности, таким образом, противостоит эпистемологическому конструктивизму, считающему, что познаваемая реальность является не чем иным, как конструкцией самого субъекта. Между прочим, теория Дж. Фодора о врожденном «языке мысли» была выражением именно такой конструктивистской позиции в когнитивной науке (Fodor, 1980). Подход 4E Cognition так же, как и психологическая теория деятельности, исходит из реалистической эпистемологической установки, в советские годы это понималось как соединение деятельностного подхода с теорией отражения. По моему глубокому убеждению, такая методологическая позиция как раз определяет наиболее плодотворный путь современных когнитивных исследований.

Понимание познания как «расширенного» в движении 4E Cognition, признание роли культурных артефактов в познавательных процессах и в процессе формирования сознания, конечно, есть не что иное, как воспроизведение идей культурно-исторической психологии Л.С. Выготского и психологической теории деятельности А.Н. Леонтьева. Недаром многие теоретики этого движения ссылаются как на

Выготского, так и на деятельностные концепции в советской психологии (Clark, 1997).

Развивавшаяся Леонтьевым идея о том, что сознание не есть нечто изначально данное, что оно, как и личность с присущим ей субъективным миром и с центрацией вокруг «Я» и системы личностных смыслов, есть результат включения в деятельность и в определенном смысле возникает и строится в этом процессе, сегодня разделяется множеством исследователей когнитивных процессов.

Вместе с тем мне представляется, что ряд плодотворных идей Алексея Николаевича, развитых в его психологической теории деятельности, до сих пор не востребован в полной мере в современных когнитивных исследованиях. Я имею в виду прежде всего его концепцию сложной структуры деятельности, различение им деятельности, определяемой мотивами (сознаваемыми или несознаваемыми), действий, исходящих из сознаваемых целей, и операций, подчиненных осуществлению задач. В рамках современного энактивизма (как одного из компонентов 4E Cognition) в основном исследуются действия (иногда даже просто отдельные телесные движения) безотносительно к тому, в какого рода деятельность они включены (Noë, 2004). Конечно, такого рода исследования имеют смысл (и в нашей стране некоторые психологи считали даже, что предметом психологического изучения как раз могут быть только действия, но не деятельность). Но в этом случае отдельные когнитивные функции изучаются вне их связи с формированием субъективного мира личности. А это значит, что понимание как смысла самих этих функций, так и проблемы формирования личности будет существенно затруднено. Думаю, что в ближайшем будущем когнитивные исследования будут осваивать и этот пласт идей А.Н. Леонтьева.

Современные проблемы теории деятельности

Теперь я хотел бы сказать о некоторых философских и психологических проблемах, которые возникают в современных когнитивных исследованиях и решение которых предполагает дальнейшее развитие деятельностного и культурно-исторического понимания познания и сознания.

Первая из них связана с телесно-воплощенным подходом в понимании познания как необходимым компонентом современного когнитивного движения 4E Cognition.

Дело в том, что с точки зрения этого подхода деятельность выделяет в мире такие его особенности, которые существенны именно

для того или иного типа познающих существ. Это выделение зависит от размеров и других особенностей тела познающего и его потребностей. В одном мире живет таракан, в другом собака, в третьем человек. Поэтому нужно различать мир физический (познаваемый науками о природе) и мир окружающий то или иное познающее существо — это одна из основных идей Дж. Гибсона. Казалось бы, телесно-ориентированный подход как современная форма деятельностного подхода в когнитивной науке и утверждение психологической теории деятельности о познании реального мира таким, каков он есть, противоречат друг другу. В этой связи возникает проблема взаимоотношения разных подобных миров, вопрос о возможности или невозможности взаимодействия между существами, живущими в этих разных и кажущимися несоизмеримыми реальностях. Эта проблема сегодня обсуждается в современной философии. Я думаю, что это действительно важная проблема и что ее решение предполагает развитие представлений о реальности, разработку идей о ее уровнях и типах. В любом случае развитие таких представлений — это не отказ от эпистемологического реализма и от психологической теории деятельности, а новый этап их разработки: обоснование идеи о том, что выявление того или иного типа реальности связано с типом осуществляемой деятельности. При этом нужно исходить из того, что отношение человека к миру не ограничивается особенностями его тела и потребностей: он «выходит» за свои телесные границы и создает мир искусственных предметов и может понять отношение различных миров между собой в их специфике. И эти миры не являются взаимно непроницаемыми. Человек взаимодействует и с насекомыми, и с собаками и кошками, а все живые существа взаимодействуют друг с другом. К тому же все эти миры не что иное как «подмиры» единого мира. Я называю такое понимание конструктивным или деятельностным реализмом (Lektorsky, 2017). Мне представляется, что в разработке этой проблематики могут оказаться стимулирующими идеи Леонтьева относительно генезиса психики (Леонтьев, 1959).

Другая проблема связана с пониманием взаимоотношения деятельности и общения.

Дело в том, что еще при жизни А.Н. Леонтьева ряд психологов и философов высказывались о том, что нельзя все психические процессы понять на основе психологической теории деятельности, что, например, невозможно свести к деятельности такую важнейшую особенность человека, конституирующую его личность, как общение. Об этом писал С.Л. Рубинштейн, который когда-то ввел деятель-

ностную тематику в отечественную психологию, об этом же говорили психолог Ю.Ф. Ломов и философ Г.С. Батищев. Они обращали внимание на то, что нельзя свести субъект-субъектное отношение к субъект-объектному, а деятельность с их точки зрения может быть лишь отношением к объекту. На это сторонники деятельностного подхода (в частности, сам А.Н. Леонтьев, а из философов прежде всего Э.В. Ильенков) отвечали так. Но почему же деятельность нужно понимать только как трансформацию неодушевленных вещей? Деятельность — это изменение реальностей разного типа, в том числе реальности межлических отношений, она может быть достигнута и с помощью коммуникации. Поэтому общение, коммуникация — это деятельность, хотя особого рода. Вместе с тем важно иметь в виду, что познавательное и деятельное отношение человека к миру изначально предполагает коммуникацию, ибо человек имеет дело с миром лишь через посредство особого рода предметов, сделанных другими людьми. Пользование такими предметами необходимо включает общение с другими. Наконец, любой акт коммуникации имеет смысл только в рамках более широкой системы деятельности. Это был убедительный ответ. Но мне все же представляется, что в варианте психологической теории деятельности, разработанном Леонтьевым, был недостаточно учтен момент специфики деятельности в случае межлических отношений.

Дело вот в чем. Есть такие типы коммуникации, которые могут быть до конца поняты в рамках концепции деятельности как субъект-объектного отношения. Но ведь отношение к другому человеку может быть разным. Конечно, можно к нему относиться просто как к объекту воздействия. Если я отдаю другому приказы и распоряжения, воздействую на него с помощью технологии пиара, манипулирую его сознанием (сегодня это делается с помощью средств массовой информации, телевидения, интернета и т.д.), то такого рода коммуникация вполне может быть понята в привычных рамках деятельности: мотив, цель, задача, действия, операции и т.д. Современные информационно-коммуникационные технологии используются именно таким образом. Сегодня немало энтузиастов социального манипулирования считают, что будущее человека и общества связано со все большим распространением такого рода технологий, а то, что касается личного свободного выбора и основанного на нем поступка, скоро станет анахронизмом.

Но ведь наряду с существующими и все более распространяющимися отношениями социального манипулирования людьми есть

и другого рода межчеловеческие отношения. При этом последние как раз играют особую роль в социальной жизни с точки зрения их ценностной значимости. Я имею в виду отношение к другому не как к объекту моих воздействий, а как к другому субъекту, похожему на меня в принципиальном отношении (Кант сказал бы: отношение к другому не как к средству, а как к самоцели). Иными словами, речь идет о ситуации морального поступка, имеющего смысл только в отношении другого субъекта, то есть о ситуации деяния в терминологии раннего С.Л. Рубинштейна. Речь идет о понимании другого: не о воздействии на него, не о его изменении, не о манипуляции им, а именно о понимании таким, каков он есть. Это бывает необходимо во многих житейских случаях, включающих совместную деятельность или совместную жизнь. В этих случаях коммуникация имеет особый характер — можно назвать ее общением, в отличие от других форм коммуникации. При общении особую роль играют эмпатия (вчувствование в другого, попытка поставить себя на его место) и диалог, о котором так много писал М.М. Бахтин: «я для себя», «я для другого», «другой для меня» и т.д. Эмпатия и диалог не могут быть запрограммированы и технологизированы. Конечно, можно сказать, что в процессе диалога и взаимного понимания с каждым из участников этого процесса происходят изменения. Это верно и неизбежно. Но это не есть субъект-объектная деятельность, ибо в этом случае изменения происходят незапланированным образом. Их нельзя проектировать. Обычный процесс деятельности контролируем и управляем тем, кто его осуществляет. Пониманием, диалогом, творчеством, любовью нельзя управлять, их нельзя контролировать и предсказывать их результаты. Можно создавать для них благоприятные условия, то есть «направлять». Но не управлять. Это то, что есть человеческого в человеке, в отличие от замышляемого некоторыми теоретиками искусственного «постчеловека». Верно, что субъект — это продукт самосозидания. И об этом хорошо писал Леонтьев. В самом деле. Я строю себя своими действиями и прежде всего моральными поступками. Популярный сегодня нарративный подход в философии и психологии интерпретирует субъекта, «я», личность как совокупность сконструированных нарративов (рассказов). Эти нарративы о себе строятся и самим субъектом, и другими людьми, с которыми он взаимодействует. С точки зрения данной концепции получается, что процесс взаимопонимания между двумя людьми — это процесс перестраивания двух разных конструкций, то есть некоторый деятельностьный процесс. Я думаю, что нарративы в самом деле играют

важную роль в конструировании субъекта. Однако важный для понимания другого человека процесс эмпатии не сводится к интерпретации нарративов. Главное же в том, что в сам процесс общения встроено сознание того, что не только я воспринимаю и пытаюсь понять другого, но и другой воспринимает и пытается понять меня.

Я думаю, что психологическую теорию деятельности можно и должно расширить, включив в нее осмысление особенностей субъект-субъектных отношений.

В этой связи исключительно важно разрабатывать теорию коллективной деятельности, которую невозможно понять без анализа процессов коммуникации и общения. Это исследование плодотворно начал ученик А.Н. Леонтьева и П.Я. Гальперина Василий Васильевич Давыдов. Он показал, что коллективная деятельность — это не расширение деятельности индивидуальной и не простое перенесение особенностей индивидуальной деятельности (с ее взаимоотношениями деятельности, действий и операций) на коллектив. Коллективная деятельность включает взаимную деятельность и взаимные действия. Взаимодействие ее участников может быть понято как коммуникация. В этом случае участники должны постоянно обсуждать некоторые проблемы друг с другом, включаться в диалоги и полилоги, чтобы уметь понять позиции других и в то же время научиться смотреть на себя глазами других, то есть выработать в себе качество саморефлексивности. В исследованиях коллективной деятельности было показано, что процесс интериоризации, изучаемый в психологической теории деятельности, можно понять как индивидуальное присвоение форм коллективной деятельности (Давыдов, 1996). Очень перспективно изучение совместной деятельности, разрабатываемое сегодня В.В. Рубцовым и другими нашими психологами (Рубцов, 2008).

Наконец, одна из важных «точек роста» психологической теории деятельности связана с бурным развитием информационно-коммуникационных технологий и с глобальной цифровизацией жизненных процессов. Сегодня ряд теоретиков формулируют следующее понимание человека и общества, основанное на понимании деятельности как суммы технологий. Психическая жизнь, субъективный мир человека, включая его мышление, сознание и волю, — считают они, — это не что иное, как процесс переработки информации в соответствии с определенной встроенной в мозг программой и по определенным правилам. Взаимодействие человека с другими людьми и социальными институтами — тоже действия по правилам. И сами социальные институты — набор правил. Любые правила могут быть

алгоритмизированы и представлены как вычислительные процессы. А последние могут быть поняты как технологии. Получается, что человек и его мир — это просто набор технологий, некоторые из которых сознательно или бессознательно используют отдельные индивиды, а другие технологии применяются уже по отношению к ним. С этой точки зрения нужно выявить эти стихийно работающие технологии, превратить их в набор цифровых действий и затем сознательно практиковать якобы во благо человека.

Психологическая теория деятельности Леонтьева показывает, что такой утопический проект, к счастью, невозможен. Можно и в ряде случаев нужно автоматизировать отдельные операции и передавать машине их осуществление (Леонтьев в свое время дал толчок отечественным разработкам в области инженерной психологии). Но операции включены в действия, последние в систему деятельности, в основе которой лежат мотивы и личностные смыслы. Последние предполагают наиндивидуальные значения и ценности. А они принципиально не технологизируются, так как не являются простым набором правил. Мне представляется, что в свете современных идей пантехнологизма психологическая теория деятельности А.Н. Леонтьева приобретает особое значение. Разработка этой теории в контексте антропологических вызовов, связанных с глобальной технологизацией и цифровизацией, может идти по линии углубления анализа человеческой субъективности, сознания, личностных смыслов.

Психологическая теория деятельности и социальный конструкционизм в психологии

Сегодня среди ряда философов, психологов, культурологов пользуются популярностью разные конструктивистские концепции, особенно так называемый социальный конструкционизм (Gergen, 1994 и др.) и связанный с ним нарративный подход в философии и психологии (Narrative Psychology, 1986). Некоторые отечественные психологи и философы считают, что именно в конструктивизме более адекватно выражено то, что остается ценным в деятельностном подходе в целом и в психологической теории деятельности А.Н. Леонтьева в частности. Я, однако, считаю, что социальный конструкционизм, во-первых, в ряде отношений противостоит деятельностному подходу, во-вторых, не может быть перспективной методологией в науках о человеке.

Дело в том, что с точки зрения социальных конструкционистов, при исследовании психики, сознания, человеческой личности мы

имеем дело не с реальными предметами, а лишь с конструкциями двоякого рода. Во-первых, это продукты социальных взаимодействий, разного рода коммуникаций, обладающих культурно-историческим характером. Во-вторых, сам исследователь вместе с тем, кого он исследует, строит изучаемый предмет, который вне этого процесса не существует. То, что принимается за познание, в действительности таковым не является. Психолог и социолог с этой точки зрения в действительности являются не исследователями и учеными, а участниками определенных социальных отношений, создаваемой ими эфемерной социальной реальности, о которой можно говорить лишь в условном смысле, ибо она существует только в рамках конструктивной деятельности. С этой точки зрения в социальной психологии, например, эксперимент как способ получения объективного знания невозможен, потому что экспериментатор и объект его экспериментов (другой человек) вступают друг с другом в коммуникационное взаимодействие, в ходе которого объект исследования принципиально изменяется. Поэтому становится бессмысленным разговор о научной теории при изучении человека.

В социальном конструкционизме есть нечто, что роднит его с культурно-историческим деятельностным подходом, — идея о том, что психика, сознание, личность являются продуктом социальных взаимодействий и коммуникаций и имеют культурно-исторический характер. Сторонники этой концепции ссылаются на Л.С. Выготского, М.М. Бахтина, на деятельностные разработки отечественных психологов, в частности, на популярную у нас идею о роли «формирующего эксперимента» в психологии, и заявляют о том, что именно социальный конструкционизм является современным развитием идей деятельностного и культурно-исторического подходов. Между тем тезис о том, что исследователь имеет дело не с познанием чего-то реально существующего, а создает исследуемую реальность, принципиально отличает его от психологической теории деятельности. Ведь в действительности любая конструкция предполагает реальность, в которой она осуществляется и которую выявляет и пытается трансформировать. В то же время реальность актуализируется для субъекта только через его конструктивную деятельность.

Сконструированность не обязательно означает нереальность того, что построено. Если «я», личность, идентичность — социальные конструкции, из этого вовсе не следует их нереальность. И стол, за которым я сижу, тоже построен, сконструирован. Однако от этого он не перестает существовать. Можно сказать, что все социальные инсти-

туты есть продукт человеческой деятельности, то есть в некотором смысле конструкции. Но из этого не следует их нереальность. Человек вообще создает такие предметы (как материальные, так и идеальные), которые как бы выходят из-под его контроля и начинают жить вполне самостоятельной реальной жизнью. Это и социальные институты, поэтому можно и нужно изучать их структуры, строить теории о них. Это и субъективный мир человека — предмет психологических исследований, как теоретических, так и экспериментальных. Это и мир идеальных продуктов человеческого творчества, развивающийся по особым законам, хотя и в рамках человеческой деятельности, о чем писал философ Э.В. Ильенков. Эти идеальные предметы до такой степени отделяются от породившего, сконструировавшего их творца, что сегодня многие даже считают бессмысленным ставить вопрос об их авторстве.

Психологическая теория деятельности, по моему глубокому убеждению, гораздо основательнее осмысливает проблематику деятельности, действия, конструирования, культурно-исторического опосредствования деятельности, чем это делает социальный конструкционизм в психологии и других науках о человеке.

Заключение

Психологическая теория деятельности Алексея Николаевича Леонтьева — это не просто интересная страница истории отечественной психологии. Эта теория существенно определяет настоящее этой науки в целом и дает возможность наметить стратегию ее будущего развития.

Литература

Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.

Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М. ИНТОР, 1996

Лекторский В.А. Деятельностный подход: смерть или возрождение? // Вопросы философии. 2001. № 2.

Лекторский В.А. Деятельностные концепции в советской философии и когнитивная наука // Лекторский В.А. Философия, познание, культура. М.: Канон, 2012.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд. Академии педагогических наук РСФСР, 1959.

Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975.

Рубцов В.В. Социально-генетическая психология развивающегося образования. М.: МГППУ, 2008.

Clark, A. (1997). *Being There: Putting Brain, Body and the World Together Again*. Mass.: Cambridge, MIT Press.

Fodor, J. (1980). Methodological Solipsism considered as a research strategy in cognitive psychology. *Behavioral and Brain Sciences*, 3, 63- 110.

Gergen, K. (1994). *Realities and Relationships: Soundings in Social Constructionism*. Mass.: Cambridge.

Lektorsky, V.A. (2017). *Realism as the Methodological Strategy in the Cognitive Science. Varieties of Scientific realism*. Cham Switzerland: Springer.

Sabrin, T. (1986). *Narrative Psychology*. N. Y.: Praeger.

Noe, Alva (2004). *Action in Perception*. Mass.: Cambridge, MIT Press.

The Oxford Book of 4 E Cognition (2018). Eds, In A.Newen, L.de Bruin, S. Galagher. Oxford: Oxford University Press.

References

Davydov, V.V. (1996). *Theory of developing education*. М.: INTOR. (In Russ.).

Fodor, J. (1980). Methodological Solipsism Considered as a Research Strategy in Cognitive Psychology. *Behavioral and Brain Sciences*, 3, 63- 110.

Gergen, K. (1994). *Realities and Relationships: Soundings in Social Constructionism*. Mass.: Cambridge.

Clark, A. (1997). *Being There: Putting Brain, Body and the World Together Again*. Mass.: Cambridge, MIT Press.

Gibson, J. (1988). *Ecological Approach to Visual Perception*. М.: Progress publishers. (In Russ.).

Lektorsky, V.A. (2001). Activity Approach: Death or Revival? *Voprosy filosofii (Questions of philosophy)*, 2. (In Russ.).

Lektorsky, V.A. (2012). Activity Concepts in the Soviet Philosophy and the Cognitive Science. (Eds.), In Lektorsky V.A. *Philosophy, Cognition, Culture*. М.: Kanon plus publishers. (In Russ.).

Lektorsky, V.A. (2017). *Realism as the Methodological Strategy in the Cognitive Science. Varieties of Scientific Realism*. Eds. by Agazzi Evandro. Cham Switzerland. Springer

Leontiev, A.N. (1959). *The Problems of the Development of Psyche*. М.: Russian Academy of pedagogical sciences publishers. (In Russ.).

Leontiev, A.N. (1975). *Activity, Consciousness, Personality*. М.: Politizdat publishers. (In Russ.).

Noe, Alva (2004). *Action in Perception*. Mass.: Cambridge, MIT Press.

Rubtsov, V.V. (2008). *Social-Genetic Psychology of Developing Education*. М.: Moscow Psychological and Pedagogical University press. (In Russ.).

Sabrin, T. (1986). *Narrative Psychology*. Eds. by T. Sarbin. N. Y., 1986.

The Oxford Book of 4 E Cognition (2018). (Eds.), In A.Newen, L.de Bruin, S. Galagher. Oxford, Oxford University Press.

Поступила: 05.03.2023

Получена после доработки: 15.03.2023

Принята в печать: 04.04.2023

Received: 05.03.2023

Revised: 15.03.2023

Accepted: 04.04.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владислав Александрович Лекторский — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, академик Российской академии образования, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, v.a.lektorski@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8496-7814>

ABOUT THE AUTHOR

Vladislav A. Lektorsky — Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Russian Academy of Education, Principal Researcher, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, v.a.lektorski@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8496-7814>